

Анна Владимировна ГОЛУБЕВА — Анастасия Анатольевна ТИМОФЕЕВА
(Москва — Брно)

«Быдлим в Чехии», или Специфика чешских заимствований на примере онлайн-коммуникации русскоязычных иммигрантов в Чешской Республике

“Bydlim v Chekhii” — the Specifics of Czech Borrowings on the Example of Online Communication of Russian-Speaking Immigrants in the Czech Republic

The article speaks about borrowings from the Czech language through the prism of Internet communication (social networks, forums, blogs), presented by Russian-speaking expatriate community, which is one of the largest expatriate communities in the Czech Republic. This report contains the overview of processes that occur in the immigrant’s use of borrowings, as well as the analysis of borrowings on lexical, morphological, and syntactical levels. Word-play is discussed here as well.

Authors give characteristics of expatriate’s language from 3 various points of view: in light of the language of Russian expatriate community on the whole, from the perspective of Russian expatriate community in the Czech Republic, and in terms of similarity to the processes which occur in the language of the metropolis.

Key words: Russian language; Czech language; Russian-speaking immigrants in the Czech Republic; Internet communication; majority language; language of the metropolis; sociolinguistic background; lexical borrowings from the Czech language; graphical fixation of borrowings; word formation; word play; functions of borrowings; morphological and syntactical adaptation of borrowings

Данная работа направлена на выявление общих тенденций и закономерностей языкового взаимодействия, свойственных речи современного русскоязычного населения в Чешской Республике. Материалом для анализа послужили данные, полученные в результате сплошной выборки высказываний в интернет-форумах. Кроме того, мы уделяли внимание сопоставлению языковых процессов, протекающих в русском иммигрантском социуме Чехии, с языком русского зарубежья в других странах с целью выявления особенностей и общих закономерностей. Объектом исследования является языковая специфика речи русскоязычных иммигрантов, представленная в виртуальной коммуникации, что на сегодняшний день представляет собой актуальную форму существования языка и содержит множество любопытных с точки зрения исследования элементов, отражающих действительность иммигрантского социума.

Тема языкового смешения, многоязычия и языковой интерференции привлекает внимание многих лингвистов, что связано с ростом миграции из России в зарубежные страны: «...В последние годы состав русского зарубежья пополняется лицами, которые едут за границу на заработки или на учебу. Многие из них уезжают не навсегда, а на некоторое время. Однако, если они живут вне России год или годы, их русский может подвергаться влиянию чужого языка» [ZEMSKAJA *Osobnosti...*]. Процессы, происходящие в речи русскоязычных мигрантов, а также взаимодействие родного языка с вторичным, но неизбежно окружающим русскоговорящее население языком, описывались неоднократно в работах Е. Земской (2001), М. Гловинской (2001), Л. Крысина (1994), Н. Голубевой-Монаткиной (2013) и других исследователей языка русского зарубежья. Так, Е. Земская провела исследование речи представителей русскоязычных диаспор нескольких волн эмиграции, проживающих в Италии, Франции, Германии, США и Финляндии [ZEMSKAJA *Osobnosti...*]. Однако в потоке лингвистических исследований языка русского зарубежья данных о речи русскоязычных мигрантов в Чехии недостаточно, в то время как исследование влияния близкородственного языка в роли вторичного представляет собой большой интерес.

Традиционно принято различать несколько волн русской эмиграции. В трудах Е. Земской отмечено четыре волны: «первая — после революции 1917 г. вторая — связанная со второй мировой войной, третья — в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям и диссидентам, а также происходила высылка диссидентов, четвертая — с конца 80-х годов, т. е. в период перестройки и постперестройки» [ZEMSKAJA *Jazyk...*]. Отметим, что в последние годы социологи, а также политологи и журналисты отмечают появление новой, так называемой «путинской» волны политической эмиграции.

В списке стран, которые россияне выбирают в качестве своего нового дома, свое место занимает и Чехия. По последним данным, предоставленным Чешским статистическим управлением, на территории Чешской Республики проживает немногим менее 33 тысяч приезжих и иммигрантов из России — на 2012 г. количество иммигрантов составляло 32 961 человек, 30 338 из них имели разрешение на временное проживание на срок 12 месяцев и дольше¹, что на сегодняшний момент составляет 7,61 % к общему числу иностранцев в Чехии). Для сравнения можно привести следующие цифры: самую многочисленную группу иммигрантов составляют граждане Украины (26 %), за ними по численности следуют словаки (20 %), вьетнамцы (13 %), русские (около 8 %) и поляки (5 %)². Таким образом, русские иммигранты входят в пятерку наиболее многочисленных меньшинств, проживающих на территории Чешской республики.

С точки зрения возрастной категории русская иммиграция является весьма гетерогенной — это дети, люди среднего уровня и пенсионеры. Среди социально активного населения в 2012 г. разрешение на трудоустройство имели 5 097 человек, включая имеющих лицензию на предпринимательскую деятельность граждан. В учебном 2012–2013 году в детских садах Чехии было зарегистрировано 385 русских детей, в начальной и средней школах — 2 280 русских учащихся. Особую группу составляют молодые люди, студенты, которые приезжают в ЧР получать высшее образование, а затем остаются работать. В 2012 г. в высших учебных заведениях Чешской Республики обучалось около 3 тысяч студентов из Российской Федерации. При этом количество русских студентов год от года возрастало — так, в 2003 г. в чешских вузах обучалось всего чуть более 400 русских студентов, а в 2009 г. их количество превысило 2 000 человек.

В связи с увеличением русскоязычного населения Чехии (в особенности представителей молодежи) нельзя обойти вниманием явления, характерные для их речи. Непосредственное взаимодействие языков в условиях двуязычия приводит к явлениям интерференции и заимствованию, что в большей или меньшей степени отражается как в устной, так и письменной форме речи. Как влияет иноязычное окружение на русский язык иммигрантов Чехии? Какие универсальные тенденции находят проявление?

В этом отношении интересный материал для исследования представляет собой виртуальное общение в сети Интернет, ведь при наличии интернет-дискурса мы наблюдаем способ коммуникации, наделенный многими характеристиками разговорной речи (например, неподготовленность, экономия речевых средств), но являющийся письменным по

1 Cizinci v ČR 2012. Český statistický úřad, 2013.

2 Cizinci v ČR 2012. Český statistický úřad, 2013.

форме. В связи с этим целесообразно говорить о таком феномене, как *письменная разговорная речь* [VALIACHMETOVA 2001, 7]. Эта форма речи имеет синтетическую природу: «...формируется новая, «письменно-разговорная» разновидность разговорной речи, при которой высказывания, принадлежащие к сфере устной разговорности, фиксируются письменно» [TROFIMOVA 2008, 16].

Виртуальная среда предлагает пользователям множество платформ для осуществления общения. Нами были рассмотрены ресурсы, имеющие наибольшее тяготение к устной речи, а именно такие интерактивные жанры, как форумы и чаты (www.forum.gid.cz, www.forum.immigration.cz, www.lifecz.ru), сетевые дневники-блоги («Чехия. Жизнь в Чехии изнутри. Блог CZ-RU»), а также многочисленные тематические группы в социальных сетях Facebook и V Kontakte. Следует подчеркнуть, что социальные сети, ставшие важной коммуникационной составляющей Интернета и транслирующие межличностное общение в интернет-пространство, порождают «новые языковые формы и речевые новации для коммуникации, опосредованной Интернетом» [MARČENKO 2013, 3]. Все вышеназванные источники представляют собой особую коммуникативную среду — пространство, в котором люди имеют объединяющие их проблемы и общие знания, а также делятся релевантной информацией и обмениваются личным опытом проживания в Чешской республике. Соответственно, данные виртуальные ресурсы являются благоприятной средой для того, чтобы сделать выводы о специфике заимствований в речи иммигрантов, проживающих в ЧР.

Так как язык интернет-общения — это «языковая система, обслуживающая сферу межличностной электронной компьютерной коммуникации и обладающая отличительными особенностями на всех языковых уровнях» [MAKAROV–ŠKOLOVAJA *Lingvističeskije...*], охарактеризуем имеющийся в нашем распоряжении материал по соответствующим языковым уровням.

Графика

С заимствованием лексем связана сложность их графического оформления. Об этом свидетельствует неоднородность графической фиксации чешских заимствований — в этих целях используется как кириллица, так и латиница.

Превалирует в интернет-источниках все же кириллица, что типично для языка русского зарубежья в целом, однако при этом единства в графическом облике слов отнюдь не наблюдается — авторы не придерживаются четких правил транслитерации, что отражает современную ситу-

ацию в целом. Исследователи констатируют, что «правила транслитерации, поддерживавшиеся нормами, принятыми для дипломатической сферы и сферы журналистики, в основном соблюдались до начала 90-х годов XX века. С широким распространением Интернета, а также при сильном развитии сферы туризма и двусторонней торговли стало происходить массовое нарушение правил транслитерации» [ARTEMOV 2013, 26]. Это «массовое нарушение» отчетливо прослеживается при фиксации чешских заимствований в онлайн-коммуникации. Приведем лишь небольшое количество примеров различной транслитерации некоторых знаков, отмеченных нами в одном и том же слове, которые подтверждают существующий «разнобой»: *еднател*, *еднатель* и *йеднатель* (чеш. *jednatel*), *нагласить змены* и *нагласить змнены* (чеш. *změny*), *побыт* и *побит* (чеш. *pobyt* «пребывание, проживание»), *ржедителка* и *редителка* (чеш. *ředitelka*). На непоследовательность передачи отдельных заимствований на письме могут оказывать влияние произвольность выбора пишущим фонетического (транскрипция) или графического (транслитерация) принципа фиксации заимствований (напр., *змнены–змены*, *ржедителка–редителка*), а также тенденция к приспособлению чешского слова к нормам русского языка (ср. *еднател* и *йеднатель*, *быдлет* и *быдлеть*).

Однако и при существующей несогласованности отмечается действие «некоторой неуправляемой эволюции», которая приводит к упорядочению написания топонимов [ARTEMOV 2013, 28]. Интересно, что наблюдения онлайн-коммуникации мигрантов на предмет заимствования из чешского языка во многом подтверждают «общейнтернетные» тенденции спонтанной стабилизации при транскрипции топонимов³. Так, к примеру, чешско-русская практическая транскрипция рекомендует при передаче топонимов и антропонимов транслитерировать **h** как **г**, однако в Интернете в последнее время эта рекомендация довольно часто нарушается, и встречаются варианты с двояким написанием (подробнее см. 2). Подобным образом дело обстоит и при передаче чешских заимствований (*проглядка* и *прохлудка*), однако в некоторых случаях на первый план выходит вопрос благозвучия, как, например, в заимствованиях *ахой* (чеш. *ahoj*).

Фиксация заимствований без интеграции на письме (с помощью латиницы) встречается несколько реже, но используется этот способ не

3 «Общейнтернетные» тенденции оказывают заметное влияние на графическую фиксацию заимствованных слов в языке метрополии. Э. Азимов, анализируя вопрос нормы в сети Интернет, приводит примеры «стихийной» орфографической стабилизации некоторых заимствований. Слово «шопинг» словари рекомендуют писать с одной «п», однако Яндекс показывает для варианта «шопинг» 11 млн. употреблений, а для варианта «шоппинг» — 12 млн. Таким образом, в виртуальном пространстве предпочтение зачастую отдается не норме, а тому, как это слово пишет большинство [AZIMOV 2012, 112].

Таб. 1. Варианты графической фиксации заимствований

Фиксация латиницей	с использованием диакритических знаков	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Если решение касалось только <i>Smlouvy o výkonu funkce jednatele</i>, то нотариус не нужен; ▪ Позвонила сегодня женщина из <i>finančního úřadu</i>.
	без использования диакритических знаков	<ul style="list-style-type: none"> ▪ А какие документы надо (только <i>oddací list</i> или еще и свидетельство о рождении)? ▪ Ну а если деревья фруктовые — то это делается и без <i>povolení</i>; ▪ Поехал купил <i>jízdenku</i> в одну сторону за 100 крон.
Фиксация кириллицей	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Меньше 200 крон попробуйте <i>добить</i> у девочек в их <i>побочке</i>, хотя сомневаюсь; ▪ Не можете подсказать, как обстоит дело со <i>стажем замест-нанцев</i> в случае поездок по работе?; ▪ Мне сказали, что никакую <i>жадость</i> подавать не надо; ▪ У чешского друга бабушка-руссофилка напекла на рождество <i>ва-ночни цукрови</i> и сказала внуку: «передай своему русскому <i>кама-раду</i>». 	

1521 только в случае необходимости точного цитирования, но и при обычном использовании какого-либо заимствования автором. Пишущие выбирают латиницу и для того, чтобы избежать неоднозначности при интерпретации заимствования в кириллице: *мы, как говорится, в pohode* (русск. в походе? в походе?). Примечательно, что при использовании латинской графики в целях упрощения зачастую опускаются чешские диакритические знаки. Итак, можно выделить несколько способов графической фиксации заимствований: без интеграции на письме с сохранением диакритики, без интеграции на письме с отсутствием диакритики и с интеграцией на письме (фиксация кириллицей). Примеры фиксации заимствований представлены в таблице 1.⁴

Для сравнения проведем параллель с графической адаптацией заимствований из немецкого языка. При изучении русскоязычной прессы ФРГ С. Шовгениным была установлена следующая закономерность: при сохранении немецкой графики заимствования, скорее всего, не будут подвергаться грамматической интеграции, а заимствования, интегрированные на письме, оказываются интегрированными в текст и грамматически [ŠOVGENIN 2007, 12]. В нашем случае данная закономерность будет справедлива лишь отчасти, ведь, как можно заметить из приведенных примеров, у пишущих не возникает трудностей в склонении графически интегрированных заимствований — помимо сохранения чешско-

⁴ В приводимых примерах сохранена аутентичная орфография и пунктуация.

го варианта падежного окончания авторы могут его «русифицировать», чему способствует структурная близость чешского и русского языков.

При оформлении заимствований в интернет-коммуникации важна ориентация на целевую аудиторию. «Внутри» форума заимствования «вплетаются» в русскую речь: *был снижен **поплатек** за **уделени** гражданства*. В случае, если форум или группа в социальной сети предназначены также читателям в России (например, потенциальным абитуриентам чешских вузов или тем, кто собирается эмигрировать), то заимствованные выражения будут заключены в кавычки и снабжены пояснениями либо переводом на чешский язык: *на сегодняшний день стало очень удобным иметь «**живностенский лист**» (živnostenský list) — лицензию*. Подобную установку на адресата в той или иной степени (переключение кода, выбор слова, комментарии) лингвисты отмечают и при изучении устной речи представителей русского зарубежья [ŠOVGENIN 2007, 19].

Лексика

Адаптация к новому месту жительства не ограничивается более углубленным изучением языка страны. По приезде в новую страну, зачастую вначале отрицая использование заимствований из вторичного языка, человек сам попросту и определенного времени «ловит» себя на их непроизвольном или преднамеренном использовании. Наиболее подверженной влиянию чужого языка оказывается лексика: «Жизнь вне России и русского языка не может не сказываться на речи эмигрантов. Окруженные чужой речью, они постоянно впитывают ее, сознательно и бессознательно. Им требуются новые номинации для называния новых реалий, новых ситуаций и условий жизни. Высокочастотные чужие слова теснят русские» [ZEMSKAJA *Osobennosti...*]. Постепенно заимствования начинают выполнять психологическую функцию — так, С. Шовгенин подчеркивает «значимость прямых заимствований для иммигрантов как лингвистических маркеров принадлежности к социолингвистическому пространству языкового большинства» [ŠOVGENIN 2007, 9].

В языке русского зарубежья лингвисты выделяют 3 группы прямых заимствований, «употребление каждой из которой вызвано не одной определенной причиной, а комплексом причин» [ZEMSKAJA *Osobennosti...*]:

- Наименования специфических явлений, не характерных для жизни в России (к примеру, названия продуктов питания — *rohlík, knedlíky*).
- Наименования предметов и явлений, аналоги которых есть в России, однако русское слово не выражает всей коннотативной специфики чешского варианта: *зато трамваи не опаздывают. Хотя какие трамваи, шалины. Мы же в Брне.*

▪ Иноязычные понятия с высокой коммуникативной актуальностью — лексика, обслуживающая общественную сферу жизни и сферу быта и называющая «очень важные для жизни в данной стране понятия, предметы или явления» [ZEMSKAJA *Osobnosti...*] — сюда можно отнести разговорно-обиходную лексику, лексику сферы делопроизводства и др. (*jízdenka, žádost, živnostenský list*).

Использование заимствований, как показал анализ примеров, имеет определенную тенденцию и говорит о так называемом социолингвистическом пространстве их функционирования: «...индивид всегда осуществляет коммуникацию в рамках определенного социального института, с которым у него, как правило, связан определенный язык. Таковыми институтами являются семья, рабочее место, обучение и т. д.» [ŠOVGENIN 2007, 11]. Заимствование лексических единиц, таким образом, «обусловлено институционально», так как «структура принимающего общества предстает перед иммигрантом через соответствующую лексику, необходимую для обслуживания его коммуникативных потребностей в новой стране» [ŠOVGENIN 2007, 10]. В первую очередь процесс заимствования затрагивает те сферы жизнедеятельности русскоязычного населения в Чехии, которые самым непосредственным образом касаются иммигранта: транспорт, питание, медицина, жилье и т. д.

1541

Выделенные нами в ходе исследования высокочастотные заимствования из чешского (большую часть субстантивные) можно условно разделить на несколько тематических групп, отражающих определенные социальные сферы, которые представлены в таблице 2.

В качестве отдельной группы заимствований можно выделить частотные слова и выражения речевого этикета (включая часто употребляемые фразеологические обороты и разговорные слова): *ахой, вубец здарма, дики моц, ниц моц, иежиш марья, furt, fajn*. В языке русскоязычной диаспоры такие заимствования занимают нишу популярных англоязычных вкраплений в языке метрополии (преимущественно из молодежного сленга): *гуд, о'кей, вау, бай, хай, I love* и др.

Стоит подчеркнуть, что деление на группы является достаточно условным — слова могут переходить из одной группы в другую, деление на группы может быть более подробным. Количество упомянутых социальных сфер ограничено, что позволяет сделать вывод о «комплиментарном характере иммигрантского билингвизма, и, следовательно, его явной асимметричности» [ŠOVGENIN 2007, 14].

Большинство выявленных нами заимствований являются субстантивами, однако активно перенимаются и включаются в русскую грамматическую систему и слова из других частей речи. Среди них особенно много глагольных заимствований, что объясняется близостью языков и сходством глагольного управления: *не «злобытьсь», если уже было; хочется хо-*

Таб. 2. Субстантивные заимствования

Социальная сфера	Примеры
Топонимы	<ul style="list-style-type: none"> ▪ кто-нибудь может подсказать хороший солярий в Брне? ▪ давай на Главним Надражи; ▪ тот же Зэляк, например, один из самых известных и постоянных; ▪ в Брзджевнове действительно точутКлаштэр; ▪ поставили деревянные экспозиции и поселили настоящих зверят на Свободяк.
Визовые реалии	<ul style="list-style-type: none"> ▪ то же самое в случае подачи <i>odvolání</i>; ▪ что говорить при подаче <i>жадности</i>? ▪ новость о принятии закона об <i>обчанстве</i>... я правильно понимаю, что достаточно иметь <i>травалый</i> плюс 10 лет общего проживания в ЧР? ▪ а старый <i>пас</i> не сохранился; ▪ потом все равно нужно сообщить об <i>утрате поволенки</i>;
Делопроизводство	<ul style="list-style-type: none"> ▪ ну да, зато есть хоть какой-то <i>«маетек»</i>; ▪ а вообще, проще позвонить на конкретный <i>уржад</i> да спросить; ▪ я за нее заплатил 1200 включая <i>поплатки</i>; ▪ сколько таких сказок я наслушался от «ипотечных <i>порадце</i>»; ▪ мне на <i>смлоуву</i> надо; ▪ в фирме <i>тсполечник</i>, он же <i>еднатель</i>.
Жилье	<ul style="list-style-type: none"> ▪ купили трехкомнатный каменный <i>барачек</i>; ▪ все живёте в одной <i>бытовой еднотке</i>? ▪ <i>кауце</i> уже внесено; ▪ я заплатил за 1 <i>пронаем</i>; ▪ это стоило тех денег — прекрасное <i>убытование</i>.
Сфера питания	<ul style="list-style-type: none"> ▪ На <i>забиечке</i> всю свинью сварить; ▪ Пока я не призналась, что это их национальное блюдо <i>капр</i> в хорошей интерпритации; ▪ делюсь скидочным купоном на <i>накуп</i> онлайн <i>потравин</i>; ▪ Вроде живи себе, кушай на <i>стравенки</i>; ▪ Точно помню, что пили <i>точёное</i> год назад в Злых Часах на Честмировой улице.
Разговорно-обиходная лексика	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>вступенкой</i> на мероприятие будет тыква — без тыквы не пускать! ▪ ну что ж, <i>камарады</i> и <i>камарадки</i>; ▪ красную <i>кравату</i> могу одолжить; ▪ А меня умиляют веселье и шумные компании дам преклонного возраста, идущих «на <i>кафичко</i>» или уже «с <i>кафичка</i>» — выходит, бывает у чешских бабушек и счастливая старость...; ▪ <i>шалинкарты</i> — до 26 лет.

рошо и дешево **убытовать** оных; мы ему **фандим** всей семьей чтобы **фунговало**; в детали тебя посвятят те из форумчан, кто этим **«живится»**; обожаю всех полицейских на Ольшанке... или они меня... но одним словом, мне с ними очень комфортно **spolupracovat**. Часто появляются распространенные наречия, такие как *вубец*, *здарма*. Спорадически встречаются и другие части речи, например: сын купил **«почештеный»** телефон.

Как можно заметить, значительная часть выражений, представленных в интернет-коммуникации, заимствуется из разговорных форм чешского языка, образованных с помощью универбации: *сами запросить данные из доправака не могут* (чеш. *dopravák*, здесь — *dopravní inspektorát* «дорожно-транспортная инспекция»), *здравотка* *делает* *потверждение сразу* (чеш. *zdravotka*, здесь — *zdravotní pojišťovna* «медицинская страховая компания»), *на Мораваке* (чеш. *Moravské náměstí* «Моравская площадь»), *сегодня взяла новую поволенку в фирме, где уже 1,5 года работаю* (чеш. *povolenka* «разрешение»), *там еще висят транспаранты какой-то реалитки* (чеш. *realitka*, *realitní kancelář* «агентство недвижимости»), *для споржки и чешского государства — просто золотое дно* (чеш. *spořka*, *spořitelna* «сберегательная касса»), *хочу поблагодарить работницу финанчака в Праге 11* (чеш. *finančák*, *finanční úřad* «налоговый департамент») и др. Высокая частотность вышеприведенных универбатов объясняется тем, что, ввиду близости языков, данная форма близка русскоязычному иммигранту как морфологически, так и стилистически.

В причинах употребления заимствований далеко не последнюю роль играет общеязыковая тенденция к экономии. Во многих случаях для чешского слова существует полноценный эквивалент, однако заимствование оказывается кратким и емким, в то время как русский перевод представляется излишне долгим: *сама сейчас вплотную думаю перейти на живнотяк* (*živnosták*, *živnostenský list* — ср. русск. «свидетельство о предпринимательской деятельности»). Употребление заимствования ведет, таким образом, к некоторому упрощению коммуникации. Поскольку все участники виртуальной коммуникации «в теме», не надо объяснять, о чем речь, что может часто приводить к так называемой «языковой чересподосице»: *Когда ты строишь новый, не сколаудованный объект, то достаточно сплнить те самые нормы. А вот для полной перестройки с изменением пудориса уже сколаудованого — тут тебе и кранты*. Т. е. русский язык выполняет функцию «каркаса» высказывания, однако «смыслообразующими единицами, обозначающими лингвистические реалии» [ZEMSKAJA *Osobnosti...*], являются заимствования. Если для участников дискуссии данный текст несет значительную смысловую нагрузку, то для непосвященного читателя он мало понятен. Интересно, что подобный языковой принцип характерен не только для заимствований в языке русского зарубежья, но и специальных подъязыков в русском языке как таковом. Для

наглядности приведем пример из статьи В. Виноградовой о компьютерном подязыке: *Мне ента тема приелась давно, я юзаю РЕДХАТ, который все больше виндируется каждой оболочкой* [VINOGRADOVA 2001, 204].

Морфолого-синтаксические явления

Изучение русского языка за рубежом, как отмечают лингвисты, ограничивается «фиксацией лексико-фразеологических особенностей или же затрагивает проблемы языковой компетенции эмигрантов... Анализ морфологической и синтаксической специфики контактных вариантов русского языка незаслуженно остается на периферии интересов современной лингвистики» [ŽDANOVA *Jazyk...*]. Разработкой типологии морфологических и синтаксических характеристик языка русской диаспоры занимались, в частности, С. Дубиш (1997), М. Гловинская (2001), В. Жданова (2007, 2008).

Заемствованные слова оказываются вовлеченными в сферу русской грамматики — существительные и глаголы (при отсутствии прямого цитирования) склоняются и спрягаются по русским словоизменительным парадигмам: *как обстоит дело со стажем заместнанцев в случае поездок по работе?* (ср. чеш. *zaměštnanců*); *все лучше, чем «быдлеть» в панелаке* (ср. чеш. *v paneláku*); *в детали тебя посвятят те из форумчан, кто этим «живится»* (ср. чеш. *živí se*); *мы фандим* (ср. чеш. *fandíme*), *интернет без эл. энергии не фунгует* (ср. чеш. *nefunguje*) и др. Родовая принадлежность заимствований чаще всего остается той же, что и в языке-источнике (*какой-то «маetek», нужную смлоуву, красную kravatu одолжить?*). В текстах встречается точечное определение родовой принадлежности имени существительного под воздействием норм русского языка: *кауце уже внесено* (чеш. *kauce* — жен. р. Частотность глагольных заимствований в интернет-языке вызвана прежде всего сильным влиянием устного дискурса на виртуальное пространство. Данный тезис подтверждается следующим наблюдением: Е. Земская, рассматривая употребление глагольных заимствований в *устной* речи русских эмигрантов 3-й и 4-й волны в Германии, характеризует возникшие глаголы-гибриды с точки зрения продуктивных классов русского языка [ZEMSKAJA *Osobnosti...*], а С. Шовгенин, анализируя русскоязычную прессу ФРГ, то есть *письменную* речь, приходит к выводу о единичных случаях заимствования глаголов [ŠOVGENIN 2007, 14]. Таким образом, очевидно влияние устного дискурса на интернет-язык.

В использовании чешских прилагательных нами отмечены 2 варианта грамматической адаптации:

▪ сохранение чешского грамматического варианта: *Главни надражи, блокове чиштени, финанчни контрола*;

▪ модификация чешской флексии в соответствии с формой окончания имени в русском языке: *на Главном надражи, трвалый побыт*, отдельные *битовые еднотки, працовний побыт*. Подобная «русификация» может быть характерна и для некоторых заимствованных существительных мягкого типа, например, *превосходное убытование*.

Однако даже стабильная область грамматики не остается неизменной⁵. Под влиянием чешского языка в речь иммигрантов проникают чешские языковые структуры, что вызвано частотностью употребления данных форм в языковом окружении участников коммуникации: *скорее историю побыту все-таки потребовали*. Это приводит к образованию «морфолого-синтаксических гибридов» (*встретимся на Главном надражи*).

Итак, к явлениям, обусловленным контактами с языковым окружением, относятся:

▪ склоняемость несклоняемых в русском языке существительных (в окрестностях *Брна*; *нашли велики за 2 евра*);

▪ калькирование глагольного управления (*8 января поеду аутем до Минска*; *и не буду, полечу летадлем*);

▪ калькирование синтаксических структур (*рада помогу, отсутствие личного опыта как «обходника»*).

1581

Подчеркнем, что в данной статье мы рассмотрели лишь основные морфолого-синтаксические отличительные черты языка русской диаспоры в ЧР, нашедшие отражение в интернет-коммуникации. При этом, однако, не следует упускать из виду, что исследования базировались на материале письменной коммуникации (хотя и с сильной долей влияния устной речи) — специфика грамматических особенностей речи иммигрантов может быть богаче и «вольнее» представлена в устной форме коммуникации.

Словообразование и языковая игра

По словам Е. Земской, «словообразовательный механизм русского языка — мощная и активная сила. Словообразование, в отличие от других подсистем русского языка (таких, например, как интонация, фонетика, лексика), не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические эле-

⁵ О морфолого-синтаксических явлениях, вызванные влиянием языка майоритета на язык диаспоры см. в работах М. Гловинской (2001), Е. Земской (2001), В. Ждановой (2008) и др. исследователей.

менты в словообразовательные модели русского языка для производства слов-гибридов» [ZEMSKAJA O jazyke...].

Межъязыковые словообразовательные гибриды окказионального свойства активно используются в интернет-пространстве: [*место жительства — авт.*] *Стодулка, но уже добыдливаем* (гибридизация чеш. *bydlet* «жить» и русск. *доживать*), *будут 2 группы — для зачаточников и мирне по-крачующих* (гибридизация чеш. глагола *pokročilí* и русск. *продолжающие*), *ты лучше скажи, когда ты манжелиться будешь?* (гибридизация чеш. сущ. *tanžel* и русск. *жениться*). Некоторые новообразования получают постоянный характер и встречаются на страницах многих сайтов, выполняя номинативную функцию. К этой группе можно отнести, к примеру, новообразование «трвальщик» (имеющий постоянное местожительства, ср. чеш. *trvalý obyvatel*): *теперь с нового года все трвальщики массово кинутся получать гражданство*.

Интерес представляют случаи непреднамеренной гибридизации, вызванной плохим знанием языка майоритета: *езденки* (чеш. *jízdenky* и русск. *ездить*), *мой супруг это слово так и не выучил... говорит «досведаноу»* (ср. чеш. *na shledanou*).

Кроме того, употребление заимствований несет в себе элемент языковой игры⁶, который отражается в словотворчестве или шутовском переосмыслении значений чешского слова. Основным приемом языковой игры в интернет-коммуникации русских иммигрантов является межъязыковая паронимия: *все-таки прав чешский язык, мы не живем, мы быдлим* (созвучие с русским существительным «быдло»); *все в личку, дикий моц* (ср. чеш. *díky moc*); *«Теско» кроме как «Тоска» иначе и не назовешь; а жадость можно читать как «жадность»?; и пиво-верпо-кнедло-зело поедай* (чеш. *verpě-knedlo-zelo*); *ходидла-то у меня не казенные* (чеш. *chodidla* «ступни» в знач. «ноги», ср. русск. «ноги-то у меня не казенные»). Для языковой игры может использоваться прием каламбурной рифмы: *вот передо в Брно и буду няш-брняш*. Иронический эффект создается также за счет обыгрывания межъязыковой омонимии: *навонявился и пошел, как увеличить «живот»* (ср. чеш. *život*). Следует обратить внимание, что в рамках интернет-пространства внимание к чешско-русской омонимии более характерно для туристических сайтов, чем для форумов русскоязычных иммигрантов, что связано в первую очередь с информационной и аттрактивной функцией сведений, размещаемых на сайтах для туристов.

Словообразовательные игры возникают при осмыслении разницы в выражениях русского и чешского языков; эта разница используется

6 Примечателен факт графической языковой игры — в некоторых источниках встречается окказиональная форма смешения чешского заимствования с так называемым «олбанским» языком рунета: много *роглигов*, *группа любителей кнедликофф*, которую можно обосновать тяготением пишущего к еще большей экспрессии, что является свойственным языку метрополии.

как средство создания экспрессии (Е. Земская). Экспрессивная функция заимствований в языковой паре «русский-чешский» может быть обусловлена этимологической близостью языков — игровой эффект создается благодаря созвучию чешских форм с некоторыми архаически и стилистически окрашенными русскими формами (*chodidlo* — *ходидло* — *ходить*, *k lékaři* — *я к лекарю пойду* — *к доктору*).

«Таким образом, следует признать, что, хотя слова-гибриды являются показателями «смешения языков», свойственного языку диаспоры, с точки зрения их словообразовательных свойств и функций они не уникальны лишь для этой формы существования языка. Как в языке диаспоры, так и в языке метрополии слова-гибриды не отражают изменений в словообразовательной системе русского языка, но, напротив, свидетельствуют об ее устойчивости» [MENDEL-PLAKSINA *Interferencijska...*].

Выводы

В ходе анализа коммуникации русскоязычных иммигрантов в виртуальном пространстве (что являет собой специфическую форму онлайн-коммуникации), были выявлены ключевые для речи иммигрантов черты, которые могут быть охарактеризованы с трех основных позиций:

1) Язык русскоязычных иммигрантов в свете процессов языка русского зарубежья в целом.

Для речи русскоязычных иммигрантов на территории Чешской Республики характерны процессы заимствования из вторичного языка, сходные с процессами, протекающими в языке русского зарубежья в целом:

- заимствование высокочастотной и актуальной для иностранца лексики, обусловленной функционированием в рамках определенных социальных структур (проявление ассиметричного билингвизма);

- относительная устойчивость грамматики — русская грамматика остается в качестве «каркаса», на который «накладывается» иноязычная лексика;

- влияние языка майоритета на язык диаспоры не только на лексическом, но и на морфолого-синтаксическом уровне;

- стабильность словообразования (заимствованные слова подчиняются правилам словообразования русского языка).

2) Специфика процессов заимствования русскоязычных иммигрантов в Чехии.

Особенности заимствования из чешского языка связаны в первую очередь с тем, что чешский, как и русский язык, относится к группе славянских языков. Близость языков объясняет и легкость (по сравнению с др. языками — английским, немецким) грамматической адаптации. Зача-

стью ввиду сходства глагольного управления трудно определить, какой язык повлиял на использование той или иной формы: *na náměstí* (на площади), *vstoupit v platnost* (вступить в силу) и т. д. Языки имеют сходные грамматические категории, однако в морфологических системах обоих языков наблюдаются существенные отличия, которые при частотном использовании во вторичном языке «просачиваются» в речь иммигрантов. В данной статье нами была приведена общая классификация способов грамматической адаптации заимствований в языке русских иммигрантов Чехии. Заметим, что необходимо более полное изучение процессов трансморфемизации, а также более подробная систематизация способов грамматической адаптации.

3) *Сходство с процессами, характерными для языка метрополии.*

В современную эпоху интенсивных языковых контактов представляется закономерным, что процессы языка русскоязычных диаспор не будут протекать изолированно, а будут иметь сходство с процессами, свойственными языку метрополии: «Проекция наблюдений над языком метрополии на язык диаспоры оправдана тем, что в отличие от ситуации послереволюционных лет, когда «язык революции» (Селищев 1928) и язык эмигрантов радикально отличались, актуальная языковая ситуация в диаспоре и метрополии сходна по ряду характеристик» [ŽDANOVA *Jazyk...*]. Итак, как языку диаспоры, так и языку метрополии присущи следующие общие признаки:

- ослабление нормативных предписаний;
- общеязыковая тенденция к экономии речевых ресурсов;
- воздействие устного дискурса на письменный;
- многочисленные языковые вкрапления и порождение «макаронического дискурса», в речи иммигрантов обусловленные контактом с языком окружения, а в языке метрополии — глобализационными процессами и объединительной функцией сленга.

С учетом исследованного материала можно утверждать, что частотность употребления слов и выражений, заимствованных из чешского языка, весьма высока. Это перенимание иноязычной лексики напрямую связано с функциями заимствований — номинативной, коммуникативной и экспрессивно-стилистической. На первый план выходит языковая прагматика, поэтому в качестве основной функции стоит отметить номинативную, так как она свидетельствует об «освоении новых социальных, экономических, культурных, бытовых и прочих сторон жизни в чужой стране» [ZEMSKAJA *Osobnosti...*]. Помимо непосредственного освоения действительности важную роль играет удобство использования заимствований, направленное на некоторое упрощение коммуникации: «Прямые заимствования в русский язык представляют собой наиболее простой и эффективный с коммуникативной точки зрения способ

называния реалий, не требующий дополнительных усилий и позволяющий реферировать с социолингвистическим пространством их бытования» [ŠOVGENIN 2007, 17].

В заключение отметим, что данная статья лишь затрагивает многогранную тему чешских заимствований в речи русских иммигрантов, которые, выбрав в качестве страны «побytu» Чехию, представляют русский язык за рубежом.

Библиография:

- AZIMOV, È. (2012): *Informacionno-kommunikacionnyje tehnologii v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*. Moskva.
- ARTEMOV, A. (2013): *K probleme modernizacii pravil russkoj transliteracii češskich i češizirovannyh imen sobstvennyh*. Novaja rusistika, VII, 2013, № 1.
- MAKAROV, M. L., ŠKOLOVAJA, M. S.: *Lingvističeskije i semiotičeskije aspekty konstruirovanija identičnosti v elektronnoj komunikacii*. [online] [cit. 18.10.2014] <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Makarov.htm>
- MARČENKO, N. G. (2013): *Social'naja set' v kontakte: lingvopragmatičeskij aspekt*. Avtoref. dis. kand. filolog. nauk. Rostov-na-Donu. [online] [cit. 18.10.2014] www.dissertat.com/content/sotsialnaya-set-v-kontakte-lingvopragmaticheskii-aspekt
- MENGEL, S., PLAKSINA, E.: *Interferencija jazykovykh mehanizmov v jazykovykh sistemach bilingvov (na primere russkogo v diaspore i jazykov partnerov)*. [online] [cit. 18.10.2014] http://www.ireteslaw.ispan.waw.pl/bitstream/handle/123456789/98/177_pdfsam_Tvorba%20reci%20i%20zneni%20resursi%20i%20slovenskim%20jezicima%20-%20prelom%20i%20cip.pdf?sequence=1
- Slovar' sociolingvističeskich terminov*. (2006) Otvetstvennyj redaktor: doktor filologičeskich nauk V. Ju. Michal'čenko. Moskva.
- Sovremennyy russkij jazyk*. (2008) Aktivnyje processy na rubeže XX–XXI vv. Pod red. Kryšina, L. P. Moskva.
- ŠČERBA, L. (1974): *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'*. Leningrad.
- ŠOVGENIN, S. (2007): *Sociolingvističeskoje prostranstvo russkojazyčnoj diaspory Germanii (na materiale russkojazyčnoj pressy FRG.)* Avtoref. dis. kand. filolog. nauk. Volgograd.
- TROFIKOVA, N. (2008): *Jazykovej vkus Internet-èpochi v Rossii (funkcionirovanije russkogo jazyka v Internete: konceptual'no-suščnostnyje dominanty)*. Moskva.
- VAJNRAJCH, U. (1962): *Odnojazyčije i mnogojazyčije*. In: *Novoje v zarubežnoj lingvistike*. Pod red. V. Ju. Rozenčevjg. Moskva. Vyp. 6., s. 57.
- VALIACHMETOVA, D. R. (2001): *Pis'mennaja razgovornaja reč' v kontekste osobennostej Internet-diskursa*. Boduènovskije čtenija: Boduèn de Kurtenè i sovremennaja lingvistika: Meždunar. nauč. konf. Kazan', 11–13 dek. 2001 g.:

- Trudy i materialy: V 2 t. Pod obšč. red. K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva. Kazan'. T. 2, s. 7–9. [online] [cit. 18.10.2014] http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php?id=8&num=5000000
- VINOGRADOVA, N. (2001): *Komp'juternyj sleng i literaturnyj jazyk — problemy konkurencii*. Issledovanija po slavjanskim jazykam. Seul, № 6, s. 203. [online] [cit. 18.10.2014] <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-01.htm>
- ZEMSKAJA, E. (2003): *O jazyke ruskogo zarubež'ja*. Simpozij Obdobja 20: Slovenski knjižni jezik — aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana. S. 95–106.
- ZEMSKAJA, E.: *Jazyk ruskogo zarubež'ja: itogi i perspektivy issledovanija*. [online] [cit. 18.10.2014] <http://www.philology.ru/linguistics2/zemskaya-01.htm>
- ZEMSKAJA, E.: *Osobennosti ruskoj reči emigrantov četvertoj volny*. [online] [cit. 18.10.2014] http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_520
- ŽDANOVA, V.: *Jazyk ruskoj diaspory: k probleme tipologii morfoložičeskich i sintaksičeskich charakteristik*. Bonn. [online] [cit. 18.10.2014] http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Zhdanova.pdf
- forum.gid.cz [online] [cit. 18.10.2014]
- <http://forum.immigration.cz/> [online] [cit. 18.10.2014]
- <http://vk.com/brnomesto> [online] [cit. 18.10.2014]
- <http://vk.com/podslushanobrno> [online] [cit. 18.10.2014]
- <http://vk.com/prahanews> («Russkije v Čechii — Praga, Brno») [online] [cit. 18.10.2014]
- <https://www.facebook.com/groups/286354494715/> («Čechochody. Soobščestvo ruskojazyčnych žitelej Čechii. Praga, Čechija») [online] [cit. 18.10.2014]
- <https://www.facebook.com/groups/blogczru/> («Čechija. Žizn' v Čechii iznutri. Blog CZ-RU») [online] [cit. 18.10.2014]
- <https://www.facebook.com/groups/vshtabe/> («Štab») [online] [cit. 18.10.2014]
- <http://www.lifecz.ru> [online] [cit. 18.10.2014]

1631

Anna Vladimirovna Golubeva

Department of Russian Language,
Moscow State University of Mechanical Engineering,
Moscow, Russian Federation
e-mail: anna.golubeva222@mail.ru

Anastasia Anatolyevna Timofeeva

Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts,
Masaryk University, Brno, Czech Republic
e-mail: anastasiatimofeeva@seznam.cz

